

Юлия
Саша Илова

Юлия
Саша йлова

ОБЫЧНАЯ НЕОБЫЧНАЯ
ИСТОРИЯ

МОСКВА
2018

От автора

События и люди, описанные в этой книге, реальные. Часть историй рассказана достоверно и подробно, часть – приукрашена и искажена в художественную сторону.

Если вы узнали себя в каком-то персонаже, вам не понравилось, как вас изобразили в книге; более того, вы убеждены, что все было совсем не так, можете изложить свою версию произошедшего в собственной нетленке.

Чем не повод открыть в себе новый талант и вырасти из онлайн-комментатора в серьезного историка-романиста?

Ю.

9.

ДЕВОЧКА-ВЕЛОСИПЕД

Лежать на спине, ночью, на голубой траве. Смотреть на бескрайнее звездное небо, положив руки под голову. И чтобы рядом был кто-то очень родной и близкий, именно мужского пола. И... Голубая трава? Вряд ли, конечно, трава бывает голубого цвета. Тогда пускай зелено-голубая. Чтобы росинки были на траве, светлячки, божьи коровки...

И воздух такой мокрый, свежий, прохладный. Приторно... нет, не приторно. Просто сладкий.

Лежать и ощущать спиной прохладу земли. Сделать большой вдох, наполнить воздухом грудь так, чтобы легкие как будто покрылись мелкими пузырьками. Это, конечно, странно звучит, но мне кажется, это приятно.

И этот человек, что рядом, который мужского пола, чтобы крепко держал за руку, а потом, подняв руки к небу, показывал

Если ты
чувствуешь,
приходи и
забери
меня.

Если ты
чувствуешь
себя...

Если ты
чувствуешь
себя...

звезды и что-то объяснял: Большая Медведица, Малая Медведица, большая зайчиха, малая зайчиха, а вон там кротовая нора.

Вот об этом я мечтала в подростковом возрасте, когда мне было шестнадцать лет. Я лежала в своей комнате на диване синего цвета и смотрела на потолок, на котором были приклеены фосфорные звездочки. Я была либо одна, либо разговаривала по телефону с каким-нибудь парнем: с этим, с этим, потом с этим. И всегда при общении с теми молодыми людьми у меня возникали подобные мысли. Хотелось чего-то большого и настоящего.

В то же время, когда я общалась с ними по телефону, меня охватывала какая-то грусть. Почему-то я знала, что это не они... Ну, то есть тот образ, который я видела в голове, они совсем под него не подходили...

— Я не знаю, что дальше говорить. Поверни меня на спину, пожалуйста.

Ariana 92

*

Детство. Мне кажется, если человек не хочет туда вернуться — значит, в прошлом у него все было не ахти как. Либо наоборот — сейчас он счастлив, как моллюск во время прилива, и возвращаться назад — только оттягивать счастливые моменты своей будущей жизни.

Я застряла где-то посередине. В моем детстве было много всякого: и хорошего, и плохого, хотя в памяти осталось больше хорошего. Да и где в России можно найти ребенка из девяностых с абсолютно радужным детством?

Хотя можно, вот мой муж рос как одуван. Он как гусь, с которого вода. Мог ходить по своему поселку и искренне удивляться: кто раскидал эти странные шприцы с иглками? Наверное, какой-то доктор обронил.

А также мог уверенно возражать своим друзьям, что дети появляются не от секса, а от поцелуев и что секс — странные выдумки озабоченных.

И так примерно до третьего класса, хотя это, разумеется, не плохо.

Мой Лешка, люблю его.

Я же с моими двоюродными братом Женей и сестрой Оксаной знали уже лет с пяти: что, где и когда. Мы были знатоками без хрустальной совы. Мы любили играть в доктора, в маму и папу и все такое.

А еще мы были бандой: крышевали беседки и песочницы, решали вопросы, завоевывая уважение местных детишек, и, как нам казалось в том возрасте, навечно застолбили железного оленя, покрашенного серебрянкой, который гордо стоял у нас во дворе и выполнял функцию нашего офиса.

Мое детство было очень насыщенным и даже немного криминальным: сплошные приключения, передраги и невероятные истории.

Еще в раннем возрасте, до школы, я осознала, что не буду ходить, и, насколько помню, приняла это спокойно. Вокруг меня бегали дети, а я сидела в детской коляске, и моя мама говорила: «Юля у нас не ходит, Юля болеет», а Женя ей отвечал:

– Тетя Рита, когда я вырасту, я не буду ни пить, ни курить, а буду Юльку на руках носить!

А начиналось все отлично. Я родилась здоровым ребенком и уже в одиннадцать месяцев начала вставать. Но после всего лишь одной прививки я перестала быть как все. Мама забила тревогу, когда увидела, что я больше не поднимаюсь на ноги, и только еще спустя какое-то время врачи признали: да, ребенок не будет ходить.

Когда стало известно, что я вырасту неполноценной, многие люди советовали моим родителям отказаться от меня и отдать в интернат, ведь ребенок-инвалид – сумасшедшая физическая и психологическая нагрузка, а на фоне перестроечных времен моим молодым родителям и вовсе пришлось несладко. Но время показало, что они справились, за что им от меня бесконечная благодарность.

К каким врачам меня только не водили, с ума сойти. Прогнозы были разные, но все с одинаковым финалом: я не доживу до двух лет, до пяти, до десяти, до тринадцати, до пятнадцати, до восемнадцати, до двадцати.

Но мама была будто в каске и до последнего не верила, что я не буду ходить, а уж о том, что я не доживу до трех лет, у нее и в мыслях не было! Да и какая мать будет об этом думать? Хотя моя каждую ночь проверяла, дышу я или нет.

В общем, мама продолжала меня возить по многочисленным диагностическим центрам и больницам разных городов. Мы ездили везде, куда можно было ездить в то время: Молдавия, Евпатория, Москва, Санкт-Петербург, Сыктывкар. Массаж, мануальные терапевты, народная медицина.

Мама относилась к моей болезни как к гриппу, который проходит, и считала, что меня можно поставить на ноги. Она не оставляла попытки и продолжала меня показывать специалистам в разных областях. Дело дошло даже до целительницы Джуны.

Чтобы к ней съездить, моим родителям пришлось, что называется, сначала купить что-нибудь ненужное, а потом продать что-нибудь ненужное и еще много чего нужного, ведь денег не было совсем.

Мы приехали к ней утром. Но сначала нас приняла ее администратор, которая решала: стоит ли отправлять посетителя к Джуне или нет. В моей медицинской карте было написано, что я начала ходить в одиннадцать месяцев, но она почему-то прочитала эту цифру, как римскую двойку, и тут же начала насмехаться над моей мамой.

— Ну здрастье, приехали! — удивилась администратор. — Где это видано, чтоб ребенок ходил в два месяца?

— Какие два месяца? — не понимала моя мама.

— Не перебивайте, пожалуйста!

Администратор говорила с моей мамой очень нагло, и неудивительно, что уже через минуту довела ее до слез, а потом и вообще заключила:

— Не знаю, имеет ли вообще смысл показывать вашу дочку Джуне?!

11 мес.
WLF?

Все-таки она пропустила нас к ней на прием, и мы заняли место в огромной очереди, которая состояла из таких же отчаявшихся, как мои родители, и таких же нуждающихся в помощи, как я. Папа к тому времени успокоил маму, а Джуны по-прежнему не было.

Целительницы не было так долго, что многие люди из очереди начали расходиться. Остались лишь самые отчаявшиеся, и мы были в их числе. А с другой стороны, мы же к ней приехали не из соседнего района. Мы ради этого проехали полторы тысячи километров, а маме еще пришлось выслушать какую-то нелепость. На Джуну возлагались большие надежды, поэтому сдаваться после первой неудачи никто из нас не собирался.

В общей сложности мы прождали ее порядка десяти часов, а когда она появилась, думаю, не у одних нас возникло ощущение, что она была какой-то странной... наверное, на связи с астральным миром.

Первой в очереди была пожилая супружеская пара. Они зашли к Джуне в кабинет, случайно оставив дверь приоткрытой. Было не очень хорошо слышно, но кое-что разобрать получалось.

Дедушка просил вылечить свою бабушку, она была чем-то больна. И сказал, что принес ей все накопленные сбережения. Джуна сказала, что готова помочь, но это будет стоить еще больших денег. Она обучит дедушку, чтоб он сам лечил свою бабушку, но каждое занятие будет стоить сто долларов. Пенсионеры ей что-то ответили, и вдруг Джуна закричала:

— У меня вам тут что, дом инвалидов или дом престарелых? Если с вами что-нибудь случится, кто будет отвечать, я?

Люди в очереди почувствовали себя неловко и мельком переглянулись друг с другом.

Когда бабушка с дедушкой попросили деньги назад, Джуна обратилась за помощью к охране, которая проводила пенсионеров из здания, надеюсь, вернув то, что они просили.

Вместе с пожилой парой на улицу ушли и другие люди из очереди, решив не усугублять свое и без того нелегкое положение.

Остались только самые упрямые, и мы снова были в их числе. Когда наконец-то подошла наша очередь, мы с мамой зашли в кабинет. Папа остался нас ждать снаружи.

Пока она нас принимала, ее ученицы в это же время исправляли проблемы с потенцией у какого-то мужчины, водя руками на близком расстоянии от его гениталий, не сдерживая легкого смеха. И если их метод сработал, можно догадаться — почему.

Возле Джуны сидела ее помощница и что-то шептала ей на ухо, кося глазами в сторону моей мамы. Видимо, рассказывала, как она закатила истерику у администратора.

Затем Джуна ее прервала, посмотрела на нас и сказала маме очень уверенным голосом:

— Я смогу вылечить вашу дочку!

А далее мы услышали все то же самое, что выслушала пожилая супружеская пара.

Пока Джуна будет меня лечить, мои родители будут ходить к ней на обучение. Один день занятий стоит сто долларов.

— Вы научитесь и поедете домой лечиться самостоятельно, — говорила целительница. — Но через полгода нужно будет приехать снова и показаться мне.

Ну да, как накопите деньги — скорее приезжайте.

Может, мы попали к ней не в лучшее время, но проверить наличие ее таланта нам так и не удалось. Очередная надежда была срублена под самый корень.

Когда я подросла, появились новые сложности и проблемы — меня не захотел брать ни один детский сад. Формулировка для того времени была классическая: за мной некому было присматривать.

Моя мама, не теряя оптимизма и веры в положительный исход, пыталась устроиться в эти же сады няней и смело предлагала себя и свои услуги, но все было безрезультатно.

В конце концов я провела детство во дворе, на бабушкином подоконнике и даже с родителями на рынке.

Но, кстати, мне нравилось на рынке. Я помню пластиковые цепи, как мои родители с утра вешали на них шмотки, всякие ценники. А потом мы с братом Женькой шли домой обедать.

Лето, нам по пять лет, он меня катит в коляске, мы очень взрослые и самостоятельные. Затем он затаскивал меня прямо с коляской на второй этаж, а бабушка на него ругалась: «Женя, что ты делаешь? Сколько раз тебе говорить, не поднимай Юлю — грыжа вырастет!» А потом мы ели крошку.

Тогда мы все жили в поселке Ярега, и дом Жени и Оксаны, который был виден из моего окна, находился на соседней улице, поэтому нам было удобно гулять вместе.

Инвалидной коляски у меня тогда не было. Вернее, была. Мы получили в собесе огромную, тяжелую и широкую коляску, в которой можно было бы разместить меня и еще троих

